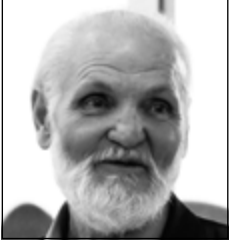

Владимир
КРУПИН

Шергина, Абрамова, Личутина, а перед ними надо поставить народные сказания и предания, которые сохранили такие хранительницы словесных сокровищ, как Мария Кривоополонова, Ирина Федосова, былинные сказители Рыбинины, Марфа Крюкова.

Архангелогородчина родила и сохранила свои величайшие словесные творения, этому помог чистейший язык – северо-русский говор, в котором звучание, написание и значение слова слиты в триединстве. Более того, именно на русском Севере сохранились былины Киевского цикла. Здешные земли не были оглашены заезжими языками, сюда не дошли татаро-моголы, здесь не было крепостного права.

Суровая природа созидала выносливые характеры. Здесь любовь и дружба были естественными. Взаимовыручка, бескорыстная помощь, жертвенность не были доблестью, были нормой жизни.

Такая здесь и письменная литература. В ней необычайное богатство местных слов, синонимических рядов, обозначающих мельчайшие оттенки человеческих взаимоотношений, явлений природы. В словарном запасе

Когда я учился в начальных классах, мама мне высказывала:

– Ну чего из тебя может вырасти путного? Ты даже коня запрячь не можешь. Вдруг отец заболел, как сено из леса вывозить будем? Как в колхозе будешь работать?

Это были серьезные вопросы. Все же я был из сыновей старший, а значит после отца второй мужик в доме.

Отец, мама, бабушка Агафья, да и все старшее семейство наше непременно стремились, чтобы я – старший сын – закрипился бы в доме, вырос хозяином. Бабушкины товарищи – соседка деинка Павла, Фекла Александровна, родня – бабушка Сусанья и другие, вечно пьющие в нашем доме чай, всегда поучали моих сестер Лиду и Машу:

– Бы-то, клетны пахалки, разбежитесь по другим домам. А ты-то Паша – домашний якорек. Тебе в этом доме жить.

Начать запрягать коня – было непросто. Во-первых, я еще довольно хлипкий, мал ростом, силенок маловато. Да и судельное это оказалось занятие – лошадей снарядить как положено.

Частенько я бывал на конюшне. Особенно полезно было заскочить туда перед уроками: мужики да бабы выводят лошадей, таскают упряжь, разбирают сани. С утра лучше – народ на работу попадает – кто в лес, кто по дрова. Подсматривал я кто как запрягает.

Теорию я выучил: сначала узду надо надеть со всеми ремнями, потом хомут со шлеей сверху ногами напялится, затем седелько под шлею на спину положить, а затем коня надо подвести к саням, ровно поставить между отлобьями, а затем уже поочередно поднимать отлобья, закреплять их и дугу гужами, крепить седелько, натягивать чересседельник, пристегивать вожжи...

Запрягая лошадеков, закрепляя упряжь, мужики незлобно покрикивали на них и вполне дружелюбно матогались. Все эти повадки я крепко-накрепко запомнил и даже заучил все слова. Хотя слова эти использовать мне тогда не пришлось, потому что мама моя – деревенская учительница – надрала бы мою задницу со страшной силой. Это обстоятельство надо было учитывать. Хотя местные лошади, знавшие все матюги не меньше, чем я, воспринимали их очень даже благодушно, как милые и важные слова деревенского обихода. Этот язык был им, лошадям, привычен и понятен.

Не знаю сожалеть об этом или нет, но мамини стремление научить меня управлять лошадьми и работать в колхозе «около дома» натолкнулось на непредвиденное для нее и для меня обстоятельство.

Все дело в моей первой учительнице Евдокии Николаевне Половой.

Она была старой девой, и у нее не было своих детей. Может быть, поэтому она и любила меня. За что не знаю. Может быть за то, что я хорошо на уроках пения пел песню «Орленок, орленок взлети выше солнца», участвовал в самодеятельности и ходил на руках, потому что на ногах мне было ходить скучно. Еще я вполне сносно учился.

Однажды Евдокия Николаевна совершила провокационное действие, которое перевернуло мою безвестную жизнь, и повело ее в строго определенном направлении. Она рассказала мне о своем племяннике Володе.

Как-то после уроков она подозвала меня и показала фотографию своего племянника. В жизни я не видел такого красивого парнишку.

На меня с фотографии смотрел белокурый мальчик с нахальными глазами, одетый в военную форму. Форма была черная, пуговицы крупные и блестящие, воротник стоячий с золотистыми позументами, погоны ярко-красные.

– Это кто? – спросил я дрогнувшим голосом.

– Мой племянник Вовочка.

И Евдокия Николаевна рассказала о своем брате – полковнике, о его сыне Володе – воспитаннике Московского суворовского военного училища. Поведала о том, какой он пригожий суворовец, любит военную службу и занимается боксом.

Ну, всё. Это был финал моих мечтаний о вольготной жизни в колхозе рядом с родителями, о том, как повзрору я буду запрягать-распрягать лошадей и летать на санях и телегах. Я быстро позабыл даже любимого тяжеловоза Орлика, легко таскавшего непомерно огромные возы сена с дальних суземов.

Всепременно я возмечтал быть суворовцем, носить красивую военную форму и заниматься боксом.

К воплощению в жизнь своей мечты я стремился решительно и твердо.

Во-первых, в библиотеке была прочитана вся литература, в которой хотя бы краешком затрагивалась жизнь суворовцев, и библиотекарь Римма Филипповна, когда я появлялся в библиотеке, готова

И «во человецех благоволение»

К 70-летию мастера русской прозы Павла Кренёва

Севера нет только одного: похабщины, бранных слов, чем омерзались нынешняя словесность. Чистота речи идёт от чистоты нравов. Чистота нравов – следствие веры в Бога.

Не осудил русский Север талантами. Явление, именно явление, Павла Кренёва – тому доказательство и радость для всех нас. Прежде всего для писательского братства, которое, слава Богу, не утратило чувство солидарности, единения в борьбе за Русь православную. И для читательского сообщества, которое, хотя и засыпается мусором детективов, жаргонов, сплетен, страшилок, пропагандой разврата и пошлости, создания ложных авторитетов, читатель всё-таки ищет в его книгах рассказы о подлинной жизни, о людях, которым хочется подражать, на текстах которых надо воспитывать детей. И для этой благороднейшей цели проза Кренёва подходит, как никакая другая.

Мальчишка, паренёчек, отрок – один из главных героев рассказов и повестей Павла Кренёва. Физическое взросление, становление на ноги, овладение мужскими профессиями описано так зримо, что читатель и не видишь строчек, а явьяе живёшь вместе с героями. Мальчишку, одного(!) отпускают в лес, чтобы он там провёл ночь. Девочка, чтобы спасти семью от голода, идёт на страшный кровавый промысел охоты за тюленями. И её спасают бельки – осиротевшие деточки убитой матери-тюленихи. Невозможно читать без слёз. А как мальчик Егорка рвётся к маме на даль-

ний сенокос, он так тоскует по ней. Идёт и приходит. И становится в ряд со взрослыми. А как любят отцы своих сыновей. Как осиротевшие дети становятся детьми всей деревни.

Любовь – вот главное слово, двигавшее рукой автора. В годы официального безбожия люди могли отойти от Бога. И отходили. Но Бог никогда не бросал своих неразумных детей, всегда был рядом. И многие герои книги прозревают и приходят к Нему. А проводники на этом пути, кренёвские старухи, эти негисбаемые вительницы православного духа. Именно им Господь дарует бо́льший срок жизни, чтобы они успели передать наследникам, любимым внукам мудрость предков.

А с какой любовью живописуются в книге старики! Как полон высокого смысла их уход в вечную жизнь.

И как всех героев рассказов и повестей соединяет великое слово – семья.

И вырастает в книге образ Родины. Я бы рекомендовал врагам России, внешним и внутренним, читать прозу Кренёва. Читать и понимать, что ни у кого, никогда не получится захватить Россию, подчинить её народ чужбеисию. В русском народе, который никуда не денся, есть кремневой стержень веры, православной, традиции, вековых трудов, семейные устои, которые соединяются русским Словом.

Вот, учитель, читайте книгу Павла Кренёва. Всё так оно и есть. Бог за нас и никто против нас: «Во человецех благоволение».

и стал попадать чаще. А со временем отец стал разрешать мне стрелять из своей двустолки...

Но уж совсем сбиwali меня с толку и отрывали от учебы пухаринные и тетеревиные тока. Брат ты мой! Что за счастье, что за азарт глядеть как чубфыкак, подпрыгивают и дерутся рядом с шалашом-караулкой краснобровые петухи-тетерева, как бродят они в размытом воздухе утренней зари по выталинам болот, распушив белые хвосты в обрамлении лирообразных перьев.

А как поют на толстых сосновых да еловых сучьях упоенные весенней стра-

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕНЁВ

Павел КРЕН